

С. И. ОЖЕГОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ СЛОВАРНОГО СОСТАВА
РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Словарный состав языка, отражая сразу и непосредственно изменения в производственной и во всякой иной деятельности человека, находится в состоянии непрерывного развития. Однако известно, что непрерывность изменений словарного состава не означает разовой замены в какой-то промежуток времени подавляющего числа старых слов новыми словами. Изменение словарного состава, даже в революционные эпохи жизни народа, в период ломки государственной машины и смены старых общественных отношений новыми, не создает разрыва, пропасти между предшествующим и новым состоянием языка. Это изменение совершается путем постепенного накопления новых лексических групп и появления новых семантических нюансов, в процессе постепенного отмирания ненужных слов, а также путем постепенного складывания новых семантико-стилистических взаимоотношений и связей в пределах существующей лексической системы.

Степень интенсивности изменений словарного состава в разные исторические эпохи и качество этих изменений различны и тесно связаны с характером изменений в жизни народа. Так, эпохи смены общественных формаций и эпохи революционные всегда сопровождались ускоренным темпом развития словарного состава языка. Великая Октябрьская социалистическая революция создала исключительные условия для изменений словарного состава русского языка и темпов его развития. И это понятно. В жизни русского народа и других народов дореволюционной России произошел крутой перелом. Великая Октябрьская социалистическая революция — первая революция, отменившая вовсе эксплуатацию человека, в отличие от всех прежних революций, только заменивших одну форму эксплуатации другой. Свержение капитализма, построение социализма, переход к коммунизму — вот веки жизни народа, этапы формирования из буржуазной нации нации социалистической. Ясно, что как переход от языка народности к языку национальному создавал свои закономерности в развитии языка, так и факт перерастания буржуазной нации в нацию социалистическую после Великого Октября не мог не внести специфических особенностей в развитие словарного состава языка.

1

Исследователь русского языка советской эпохи поставлен в исключительно благоприятные условия. Марксистско-ленинская наука в целом, труды И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР» дают надежный ключ к правильному пониманию языкового развития. Внутренняя динамика развития словарного состава русского языка современниками и свидетелями этого развития

может быть раскрыта и изучена с такой полнотой, которая исключена для изучения истории словарного состава языка в отдаленные эпохи. Словарный состав языка современности предстает перед нами во всем его общественном контексте, во всей силе его живого употребления. Реально ощутима непосредственная связь многообразных словарных изменений с изменениями, происходящими в жизни народа и государства. Возможность установления совершенно конкретных и несомненных фактов зависимости развития словарного состава от развития общества дает надежные критерии для изучения общего характера и закономерностей тех изменений в лексике и семантике, которые произошли именно в советскую эпоху; пласты новой лексики показывают живые тенденции развития словообразовательной и семантической систем, другими словами, — существенные направления в развитии всей языковой системы в целом.

Однако те новые явления, которые отражают живые тенденции современности, не появились как феникс из пепла; они порождены всем предшествующим ходом развития языка. Зародыши, начатки новых явлений нашей современности возникли задолго до наших дней. И потому, что по характеру своему эти явления чрезвычайно близки к явлениям нашей современности, они сплошь и рядом воспринимаются как новые, только что появившиеся и неоправданно выстраиваются исследователями и лексикографами в один хронологический ряд с действительно новыми явлениями — словами и значениями, порожденными общественной практикой наших дней. Это не может не вести к искажению исторической перспективы и, в отношении некоторых разрядов слов, создает мнимую картину разрыва между языком дореволюционной и послереволюционной эпохи.

Происходит это потому, что мы, так или иначе зная словарный состав современности, имеем лишь самые общие представления о движении словарного состава в тот период, который непосредственно предшествовал революционной эпохе. Работ, посвященных изучению развития словарного состава общенародного русского языка со второй половины XIX в., по сути дела нет¹. А между тем изучение истории русской лексики второй половины XIX и начала XX в. имеет исключительное значение для понимания развития словарного состава языка в советскую эпоху. Ведь это был не просто период развития капитализма, но и период деятельности революционных демократов, зарождения и роста рабочего движения, период первой революции и распространения марксистской идеологии в рабочем классе. В речи демократической, а особенно революционно-демократической интеллигенции, в речи передовой части рабочего класса, в демократической и рабочей печати, в марксистской литературе возникали слова и черты словоупотребления, отражавшие идеологию и потребности передовой части общества.

Эта лексика и словоупотребление, по существу, не изучены. Словари тоже являются недостаточным, а иногда и мало достоверным источником. Полнота их словника, как известно, часто зависит от идеологических и общественных симпатий составителя. В. И. Даля еще его современники упрекали за то, что он, проводя свои односторонние взгляды на развитие русского языка, игнорировал обширные слои книжно-литературной и терминологической лексики, характерные для его эпохи. И. А. Бодуэн де Куртене, работавший над переизданием и пополнением словаря Даля перед первой революцией,² в период нарастания

¹ Интересные наблюдения и материалы имеются в различных работах акад. В. В. Виноградова, а также в отдельных статьях и диссертациях, посвященных изучению языка писателей; однако следует отметить, что лексика произведений писателей до сих пор еще обычно изучается без учета ее связей и соотношений с общим развитием словарного состава языка в целом.

революционного рабочего движения, прошел мимо новой лексики, связанной с этим движением, широко известной рабочей и демократической печати и прочно закрепившейся в словарном составе русского языка уже к концу XIX в. Такие слова, как *капитализм*, *социал-демократ*, *классовый*, *эксплуатация* (в общественно-политическом значении), *мелкобуржуазный*, *стачечник*, *легализовать*, *беспартийный*, *кружок* («группа людей») и многие другие не вошли в его дополнения. Далевское *ренегат* в значении «вероотступник» Бодуэн дополняет «новым» значением — «крестившийся магометанин, тайно придерживающийся старой религии»; общественно-политическое значение слова *ренегат*, которое давно уже было известно речи демократических кругов, в дополнение не вошло. Зато Бодуэн вставил слова *террор*, *террорист*, ибо эти слова привлекали к себе беспокойное внимание буржуазной печати.

Словарь русского языка Академии наук тоже стоял в стороне от жизни передового русского общества предреволюционной поры. В его богатой картотеке публицистика была представлена главным образом лишь консервативными органами вроде газеты «Новое время». Слова и метафорические оттенки значений, связанные с демократической и революционной деятельностью предоктябрьского периода, не находили места в этом словаре. Так, переносное значение слова *лакей* рассматривалось здесь только в психологическом плане, а метафорическое употребление в общественно-политическом смысле, широко известное с конца XIX в. [ср., например, у В. И. Ленина (1913): «... лакея денежного мешка...»²], — отсутствовало. Таким образом, словари русского языка предреволюционного времени мало могут содействовать изучению пополнения и развития той части словарного состава русского языка конца XIX — начала XX в., которая отражала революционно-демократическую деятельность передовой части общества и с которой многими нитями связаны соответствующие лексические пласты русского языка советской эпохи.

Вышедший в 30-х годах «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, стремившийся отразить с наибольшей полнотой и объективностью словарный состав литературного языка своего времени, одной из своих задач ставил выделение того нового, что появилось в русской лексике после Великой Октябрьской социалистической революции. В разделе «Как пользоваться словарем», в § 15, озаглавленном: «Пометы, устанавливающие историческую перспективу в словах современного языка», сказано: «(нов.), т. е. новое, означает, что слово или значение возникло в русском языке в эпохи мировой войны и революции (т. е. с 1914 г.)» (т. I, стр. XXVII). Однако из-за полной неизученности речевой практики демократической и революционной общественности предшествующего периода в словаре допускалось искажение исторической перспективы: он относил к новому то, что бытовало в революционной среде задолго до первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции. Правда, многие такие слова, распространившись и войдя в широкий речевой обиход народа, приобрели характерность слов революционного времени и стали как бы в один ряд с новообразованиями.

В «Толковом словаре русского языка» слова *самокритика*, *национализация*, *элемент* (в значении «человек», «личность», разг.), *заезжательство*, *заезжательский* отмечены пометой «новое». Без пометы, но как новые толкуются такие слова, как *строительство* (перен.), *авангард* (перен.), *хвостизм*, *электрификация*. Между тем слова эти не новые. Так, слово *самокритика* было в ходу в том же значении еще в самом начале нашего столетия. В 1904 г. В. И. Ленин писал: «Русские социал-демократы уже достаточно

² В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 398.

обстреляны в сражениях, чтобы не смущаться этими щипками, чтобы продолжать, вопреки им, свою работу самокритики и беспощадного разоблачения собственных минусов...»³. Не ново и значение слова *национализация* — «организация чего-нибудь на национальных началах» [например, у В. И. Ленина (1913): «...национализации... школы»]⁴. Такие характерные для разных этапов советской эпохи слова и сочетания слов, как *режим* (ср. «старый режим»), *партийное строительство*, *авангард* (в переносном значении), *попутчик* (в переносном значении), *хвостизм* были в то же время характерны для словоупотребления рабочей и партийной общест-венности, рабочей печати дореволюционных годов. Ср., например, у В. И. Ленина в работах 1894, 1913 гг.: «...подняться на прямую политическую борьбу против современного режима...»⁵; «Те, кто привыкли отрицать и продолжают отрицать принципы партийного строительства, не сдадутся без самого отчаянного сопротивления»⁶; «...металлисты *авангард* (передовой отряд) всего пролетариата России»⁷; «Из подполья бежала прежде всего и в первую очередь буржуазная интеллигенция, поддававшаяся контрреволюционному настроению, те „попутчики“ с.-д. рабочего движения, которые и у нас, как и в Европе, увлекались освободительной ролью пролетариата (в Европе: плебса вообще) в буржуазной революции»⁸. Анализируя действия оппортунистов, В. И. Ленин в 1904 г. писал, что эти действия «...неминуемо приводят к оправданию отсталости, к хвостизму, к жирондистским фразам»⁹. А ведь по способу словообразования (соединение русской основы с суффиксом *-изм*, иноязычным по происхождению) слово *хвостизм*, как и *отзовизм* и другие подобные, типично по сути дела именно для нашей эпохи. Слово *электрификация*, вошедшее в язык как характерный термин советской эпохи, встречается у В. И. Ленина в 1913 г., и как новое — в кавычках: «„Электрификация“ всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории»¹⁰.

Слова *заезжательство*, *заезжательский* «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова квалифицирует как новые, газетные. Между тем эти слова имели длинную предисторию. Они восходят к просторечно-областному глаголу *заезжать* как несовершенному виду глагола *заездить* («измучить ездой»). В демократической и рабочей среде это слово использовалось в метафорическом применении с ироническим оттенком и служило основой для образования серии производных слов. Иронизируя над обидами оппортунистов, В. И. Ленин в 1904 г. писал о них: «Их преследуют, их теснят, их вышибают, их осаждают, их заезжают. В этих словечках гораздо больше психологической и политической правды, чем, вероятно, подозревал сам автор милой и остроумной шутки насчет заезжаемых и заезжателей»¹¹.

Интересна относящаяся еще к дореволюционной поре сложная эволюция слова *элемент*, *элементы* в значении «слой, слои общества», подготовившая современное словоупотребление. Обычно это слово в данном значении употреблялось как нейтральное, по отношению к любым слоям общества. Ср. в работе В. И. Ленина 1894 г.: «...русский рабочий,

³ В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 190.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 274.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 174.

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 23.

⁷ Там же, стр. 421.

⁸ Там же, стр. 357.

⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 374.

¹⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 42.

¹¹ В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 375.

поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции»¹². Постепенно объем содержания этого слова сужается, и оно начинает обозначать только тех людей, те слои, которые не идут вместе с передовой частью рабочего класса. Отсюда слово *элемент* закрепляется в сочетаниях с прилагательными, содержащими отрицательную оценку: *анти-искровские, неустойчивые, шаткие, колеблющиеся, около-марксистские* и т. п. *элементы*¹³. После революции это слово начинает обозначать слои контрреволюционные, идущие против Советской власти или не определившие еще своего отношения к ней. Отсюда закрепляются такие сочетания, как *контрреволюционные, чуждые, сочувствующие элементы*. В первые годы революции в просторечном употреблении слово *элемент* вместе с соответствующим определением служит для обозначения отдельного лица, с отрицательной характеристикой, например: *он — вредный элемент*. У А. Н. Толстого: «Сватался Ужевкин, ...но я отказала ему, потому что он ненадежный элемент». И заключительный этап — слово употребляется в просторечии без определения в значении «контрреволюционер»; ср. у М. Шолохова: «Брешешь, как элемент!».

Иногда новизну слова можно назвать относительной — новое слово возникает на базе предшествующего словоупотребления: старое и новое слова при общем совпадении значений различаются лишь словообразовательным оформлением; это чаще всего случается с отглагольными существительными. Такова, например, судьба слов *уклонение* и *уклон* (в значении «отход, отклонение от основной, правильной политической линии»), связывающая предреволюционное и послереволюционное словоупотребление: «...три с половиной года тому назад все марксисты *единогласно*, в лице всех течений без исключения, должны были признать два *уклонения* от марксистской тактики. Оба *уклонения* были признаны *опасными*», — писал В. И. Ленин в 1913 г.¹⁴ А в 1921 г. возникает и входит в общее употребление слово *уклон* для обозначения сходного явления.

Так в недрах передовой и прежде всего партийно-коммунистической общественности дореволюционного времени зарождалось то словоупотребление, та терминология, те продуктивные словообразовательные способы, которые послужили одной из основ многочисленных изменений в словарном составе русского языка после революции. Войдя после Великого Октября в общенародное употребление, став достоянием широчайших масс народа, слова эти стали ощущаться как вместе с революцией возникшие новообразования. Однако историк языка, исследователь его словарного состава должен тщательно изучить материал, прежде чем проводить резкую грань между дореволюционным и послереволюционным словоупотреблением. Стоящее на очереди исследование словоупотребления передовой русской общественности дореволюционной поры покажет живые традиции, неразрывно связывающие развитие словарного состава русского языка советской эпохи с предшествующими периодами.

2

И. В. Сталин указал на неразрывную связь между дореволюционным состоянием языка и послереволюционным. Несмотря на смену старого, капиталистического базиса с его надстройками новым, социалистическим

¹² В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 282.

¹³ См., например, В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 196; т. 19, стр. 235.

¹⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 130.

базисом с его надстройками, русский язык остался в основном таким же, каким он был до Октябрьского переворота.

«Что изменилось за этот период в русском языке? Изменился в известной мере словарный состав русского языка, изменился в том смысле, что пополнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового социалистического производства, появлением нового государства, новой социалистической культуры, новой общественности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки; изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение; выпало из словаря некоторое количество устаревших слов»¹⁵.

Свыше трех десятилетий прошло со времени Великой Октябрьской социалистической революции. Советское общество и Советское государство прошли за это время сложный путь развития. Основы периодизации развития советского общества и государства определены И. В. Сталиным в его выступлении на XVIII съезде партии. Отражая историю советского общества, будучи неразрывно с ней связанным, русский язык в развитии своего словарного состава прошел несколько этапов. Своеобразными чертами в развитии лексики отличается начальный период — от Октябрьского переворота до ликвидации эксплуататорских классов; отразились в словарном составе языка и характерные стороны последующего периода — от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия новой Конституции в 1936 г. Элементы нового качества в развитии лексики русского языка начинают постепенно сказываться также и в период выявления результатов величайшей культурной революции, в период формирования монолитной советской интеллигенции, в период перехода от социализма к коммунизму. Так, перемалывание территориальных диалектов в составе общенародного языка пошло в этот период особенно интенсивно, а многие слою устаревшей или старой национальной лексики, освободившись от оценочно-отрицательной характеристики, вновь вовлекались в общенародный оборот. Изменились вследствие этого и стилистические соотношения внутри словарного состава языка.

Непростительно мало сделано у нас для изучения развития словарного состава русского языка советской эпохи. Между тем мы можем и по документам эпохи, и по личному опыту восстановить величественную картину развития языка нашего времени. Сталинское учение поможет советским языковедам восстановить реальные процессы в языке и выявить закономерности развития словарного состава русского языка лучше и вернее, чем это сделал, например, Поль Лафарг по отношению к французскому языку через сто лет после революции.

Революция, которая не просто отвергла старую эксплуатацию, но отменила вообще всякую эксплуатацию человека человеком, решительно поставила себе на службу язык как орудие развития и борьбы. Общественная функция языка как орудия борьбы выявляется в начальный период советского строя с особенной яркостью. Накануне пролетарской революции, гениально обобщая опыт предшествующих революций, В. И. Ленин писал: «...все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать»¹⁶. Буржуазная государственная машина играла колоссальную роль в подавлении народа, в подавлении его материальных и духовных сил. «Эксплуататоры, — пишет В. И. Ленин, — естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но народ подавить эксплуататоров может и при очень простой „машине“, почти что без „машины“, без особого аппа-

¹⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 6..

¹⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 378.

рата, простой *организацией вооруженных масс...*¹⁷. Так оно и было. Но на другой день после Октябрьского переворота пролетариат России стал создавать свою, пролетарскую государственность, свое, социалистическое общество. Все средства борьбы должны были быть использованы.

Таким средством, орудием явился и язык. Ведь старое слово, старый термин очень часто связаны были со всем комплексом представлений о старой жизни, об угнетении, о неравенстве. Новое слово помогало формированию новой, социалистической идеологии, рождению нового отношения к действительности, осознанию народом своей новой функции — творца бесклассового общества. «Октябрьскую революцию, — учит И. В. Сталин, — нельзя считать только революцией в области экономических и общественно-политических отношений. Она есть вместе с тем революция в умах, революция в идеологии рабочего класса»¹⁸.

Старые слова и термины символизировали старую жизнь, старые общественные отношения. Они подлежали изгнанию. Общественные организации требовали их отмены. Так, например, съезд фельдшеров в конце 1917 г. решил переименовать фельдшеров в лекарических помощников потому, что фельдшер был, в глазах буржуазных врачей, человеком полуобразованным. И действительно, слова *фельдшер*, *фельдшерица*, *фельдшерский* на много лет вышли из обихода терминологической речи; появилось сокращенное слово *леком*. Деятельность молодого Советского правительства, направленная на слом старого государственного аппарата, разрушала вместе с тем и старую терминологию, связывавшую людей с ушедшими общественными отношениями. Одним из первых декретов Советского правительства, 10 ноября 1917 г., провозглашалось: «1) Все существующие до ныне в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины, упраздняются; 2) всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и прочие советники) уничтожаются и устанавливается общее для всего населения России наименование граждан Советской республики». Рядом других декретов отменялись старые военные звания, судебные установления, школьная система, старые взаимоотношения школы, государства и церкви. И везде подчеркивалась отмена старых наименований.

Неодинаковая судьба постигла лексику старого общества. Часть слов подверглась прямой замене, другая — отмерла, изжитая великими социальными переменами; иные наполнились новым содержанием, другие приобрели узкое значение.

В короткий сравнительно период слома старой государственной машины, с упразднением всех органов старой власти, старой армии и суда сметается вся административная терминология, символизирующая свергнутую власть. Исчезла из живого употребления и со страниц печати вся терминология, связанная с монархическим устройством государства, накопленная в течение XVIII—XIX вв. Названия придворных чинов и должностей — *камер-юнкер*, *камергер*, *церемониймейстер*, *егермейстер*, *штальмейстер*, *фрейлина*, *статс-дама*, *камер-фрау*, *паж* и им подобные были быстро забыты, как в той же степени мало известные народу наименования *августейший* («августейшая семья», т. е. царская), *цесаревич*, *престолонаследие* и др. Та же судьба постигла и более распространенные в русском языке времен монархии термины *государь*, *государыня*, *наслед-*

¹⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 435.

¹⁸ И. Сталин, Вопросы ленинизма, 11-е изд., 1952, стр. 189.

ник (в значении «наследник престола»), великий князь, титулы барон, граф, князь. Так вместе с явлениями исчезали слова, их называвшие.

Сохранение государства и его основных функций потребовало не просто отмены старой государственной терминологии, ассоциировавшейся со всей системой помещичье-капиталистического угнетения народа, но и замены значительной части отмененных терминов новыми, свободными от пут старых ассоциаций. Прежде всего была изгнана терминология, связанная с органами непосредственного угнетения трудящихся масс, — с полицией и административным управлением: *полиция, стражник, урядник, городской, околоточный, пристав, исправник, жандарм, сыщик, филёр, охранка*, а также *градоначальник, полицмейстер* и им подобные с производными¹⁹. Все учреждения милиции названы были по-новому. Отменено было название *участок* и введен новый термин *отделение*, а в названиях различных должностей введено прилагательное *участковый* взамен старого прилагательного *околоточный*. Отменены были почти все наименования органов и лиц государственного управления и администрации: *губернатор, чиновник, столоначальник, экзекутор, департамент* и др., связанные с наименованием многочисленных, чуждых народу властей.

На месте старой феодально-капиталистической административной терминологии возникает новая, отражающая единую систему пролетарской власти. Новая терминология или совсем не связана с представлениями о старой власти и восходит к политической лексике французской революции и Парижской коммуны (*комиссар, комиссариат, трибунал, декрет, секция*), или усваивает нейтральные термины (*управление, отдел* и т. п.). Организация единой власти Советов на местах и в центре с их подразделениями по функциям управления привела к отмиранию сразу устаревших наименований вроде *присутствие* (ср., например, *военный комиссариат* вместо «*присутствие по воинским делам*»), *казначейство* (уездное, губернское), *управа* (земская, городская и т. п.), *палата* (казенная, судебная и т. д.), *земство, дума* и т. д. Организация единой системы суда на демократических началах, введение единых названий суда по административно-территориальному признаку и названий, ясно обозначающих функции, например: *защитник, обвинитель* (государственный, общественный), *заключенный*, — вывели из активного речевого оборота термины *присяжный поверенный, адвокат, стряпчий, арестант* и т. п.

Установление единой системы народного образования привело к тому, что вместе с соответствующими категориями исчезли многообразные названия учащихся, связанные с сословно-классовой системой образования: *универсант, гимназист, реалист, семинарист, институтка, пепиньерка, епархиалка, курсистка, лицеист, правовед, пансионер*; сохранились общие названия: *школьник, студент*.

Выпали из речевого оборота многообразные названия административных руководителей учреждений или их частей — *правитель* («правитель дел», «правитель канцелярии»), *смотритель* и т. п.; сузилось применение слова *директор*, и в новых учреждениях стало господствовать единое демократическое наименование — *заведующий*.

Изменены были многие сложные термины с устаревшими компонентами: *классный наставник* (заменено «классным руководителем»), *присяжный заседатель* (заменено «народным заседателем»), *податной инспектор* («финансовый инспектор»), *судебный пристав* («судебный исполнитель»), *воинская повинность* («воинская обязанность»), *сестра милосердия* («медицинская сестра»).

¹⁹ Некоторые из этих слов, как, например, *жандарм, охранка*, сохранились с эмоциональной оценкой презрения для обозначения соответствующих объектов капиталистической действительности.

С образованием новых учреждений, с установлением новых общественных и государственных порядков в правительственных документах и документах общественных организаций применяется новая терминология. Аналогичная старая отпадает, уходит в пассивный запас, забывается совсем или приобретает другую функцию в языке. Такова, например, судьба терминов *присутственный день*, *казенный*, вытесненных соответственно терминами *рабочий день*, *государственный*.

С первых годов революции Коммунистическая партия и правительство вели решительную борьбу со всякими проявлениями шовинистических настроений и остатков национальной розни. Были отменены все наименования народов, не являющиеся самоназваниями или содержащие в себе следы пренебрежения, порожденного национальной рознью: *черемисы*, *сарты*, *самоеды*, *чухны* и др. Отменено было название *малороссы*, как официальный термин царской России, принижавший национальное достоинство украинцев. Быстро исчезли шутливо-пренебрежительные прозвища *москаль*, *хохол*, *князь* («тагарин») и др. Постепенно забыты были презрительные прозвища людей по местностям, такие, например, как *мякинник* и *скобарь* (о псковичах), *козел* (о тверских уроженцах), также тесно связанные с неравноправием людей и феодальными пережитками местной розни. Интересна судьба общего названия для ряда малых народностей Востока и отчасти Северного Кавказа — *инородцы*. В царской России это был официальный термин, который на фоне всей угнетательской национальной политики царизма звучал высокомерно и пренебрежительно. Хотя в широких кругах до революции слово *инородец* могло употребляться и как нейтральный термин, для передовой общественности оно стало символом угнетательской национальной политики. Великая Октябрьская социалистическая революция изгнала этот термин и из официальных документов, и из живой речи. Вместо него вводятся новые слова — *национал*, *нацмен*, свободные от всяких ассоциаций неравноправности. Однако в результате сталинской национальной политики, развития культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме, к концу 30-х годов и эти термины, ставшие ненужными, отпали.

Борьба со словами, символизировавшими свергнутый социальный строй, принимала различные формы. Старая терминология государственной жизни отменялась, как мы видели, правительственными постановлениями и деятельностью общественных организаций. Это, в частности, коснулось и всякого рода местных названий, отражавших в себе ненавистные народу стороны жизни при старом режиме. Переименовывались населенные пункты и улицы, чтобы они не напоминали повседневно о былом угнетении. Так, в Ленинграде в первые же годы революции *Дворянская улица* была переименована в *улицу Деревенской бедноты*, а *Мещанская* в *Гражданскую*. Город *Царевкожшайск* стал *Краснокожшайском*, а *Царское Село* — *Детским Селом*. Изгонялись все названия, связанные с именами царей, париж, церковных праздников (*Новониколаевск*, *Екатеринодар*, *Иваново-Вознесенск* и др.).

Наконец, самое изменение форм общественной жизни, рост новой, социалистической идеологии, борьба со всеми идеологическими и бытовыми пережитками привела к постепенному, но очень быстрому отмиранию, забвению и вытеснению из речевого обихода целых пластов лексики.

Религиозные предрассудки, в течение ряда веков отравлявшие сознание народа, привели к тому, что в словарном составе языка образовался целый слой церковных терминов, а также слов и выражений, отражавших религиозно-суеверные представления. Опираясь на силу вековых привычек, церковь в первые годы революции активно боролась за свое идеологическое влияние на массы. Ее влияние поддерживали остатки старых, косных, кон-

сервативных форм быта, препятствовавшие строительству новой, социалистической жизни. Поэтому антирелигиозная пропаганда приняла решительные формы борьбы. Распространение естественно-научных и технических знаний, рост социалистического строительства усилили воздействие антирелигиозной пропаганды. Ко времени социалистического преобразования сельского хозяйства, ко времени выявления существенных успехов культурной революции в нашей стране основная масса слов, связанных с церковно-религиозными отношениями, решительно ушла в пассивный запас языка, была забыта или сохранилась только в узком кругу верующих и в профессиональной речи духовенства.

Церковная лексика не вся в равной мере была известна народу. Широко употребительными и понятными были слова, называвшие те явления, предметы церковного обихода и тех лиц, с которыми народу приходилось непосредственно сталкиваться при исполнении обрядов: *молебен, обедня, исповедь, говеть, поститься, отпевание, причастие, обручение, венчание, венчаться (идти под венец), паперть, хорувзь, евангелие, ряса, побрясник, приход, прихожанин* и т. п. Слова этого разряда давно перешли в пассивный запас языка; сейчас молодежь уже не представляет ясно, какие значения скрываются за этими словами, а люди старшего поколения часто пользуются ими для шутливого обозначения явлений из совсем других областей, например: *поститься* («сидеть на диете»), *испортить всю обедню* и т. п. Слово *паныхида* осталось в активном употреблении лишь в сочетании с прилагательным *гражданский*. В первые годы революции этот способ нейтрализации прилагательным старого слова был широко распространен; ср. *красная присяга, красный офицер*.

Отразилось в словаре и исчезновение старых обрядов. Так, церемония дачи имени новорожденному (церковное *крещение*, а в народном обиходе *крестины*) осталась, но без участия церкви, и получила новое название — *октябрины*. Одна из форм борьбы с религиозными предрассудками и утверждения нового выразилась в стремлении отказаться от христианских имен: возникают новые имена, образованные на основе имен революционных деятелей, названий революционных событий: *Нинель, Ким, Эра, Ревдита, Владлен* и т. п.

Введенный после декрета об отделении церкви от государства термин *служитель культа* отменил как официальные термины все названия должностей церковной иерархии. В быту же для обозначения служителей культа распространяется старое слово *поп*, но с оттенком пренебрежения. Лишь немногие старые названия должностей церковной иерархии сохранились как термины (*патрiарх, митрополит, архиерей, епископ* и т. п.); большинство подобных слов ушло из общего употребления, как и огромное количество слов, связанных с обозначением различных сторон церковного быта (названия принадлежностей одежды, названия лиц, обрядов и многие другие). Вся эта лексика сохранилась только в профессиональном употреблении.

Разгром господствовавших до революции эксплуататорских классов, демократизация средних слоев интеллигенции, развитие новых форм быта и общественных отношений привели к полному исчезновению всех слоев лексики, связанных с буржуазно-дворянским бытом, т. е. в значительной части — с классовыми жаргонами. Уходят из речевого обихода, забываются названия принадлежностей одежды, домашнего обихода, занятий, чуждых демократическим слоям общества (ср. *ротонда, палантин, блонды, сонетка, будуар, журфикс, раут, реверанс* и т. п.). Исчезли или изменили значения слова, заключавшие в себе оценку норм общественного поведения с буржуазно-дворянской точки зрения: *церемонный, светский, галантный, благовоспитанный; моветон, пшют, жуир; манкировать, не-*

элижировать, амикошонство, мезальянс — со всеми производными. Как уже отмечалось, эта лексика часто непосредственно смыкалась с жаргонной лексикой буржуазно-дворянского обихода, обычно иноязычной по происхождению (например, *рандеву, бомонд, антураж*), и с буржуазно-дворянскими жаргонными словами, перешедшими в словоупотребление городского мещанства (*амбре, аматёр, интересан, променад, фриштык* и т. п.). Исчезли слова, называвшие лиц, обслуживавших людей господствующих классов, — *гувернёр, гувернантка, бонна, камердинер, казачок, камеристка, лектриса, компаньонка*.

Равным образом, ушли из языка и формы обращения к людям, обычные в буржуазно-дворянском обществе и отражавшие классовую, сословную, имущественную дифференциацию общества. С первых дней революции перестали употребляться сочетания с местоимением *ваше* («ваше благородие», «ваше сиятельство»), обращения *барин, господин, сударь, мосье, мадам*, уничижительно-пренебрежительные *почтенный, любезный* и т. п.

Сходной была судьба и многих слов, относящихся к лексике официально-бюрократической и официально-торжественной, создававшей высокий, приподнятый стиль речи; исчезли, перешли в пассивный запас или изменили значения такие слова, как *венценосец* (о царе), *соизволить* («государь император высочайше повелеть соизволил»), *благоусмотрение* («представить на благоусмотрение монарха»), *благоволение* («высочайшее благоволение»), *особа* («особы первых трех классов»), *сановник, высокопоставленный* и др. Молодому поколению, выросшему в стране социализма, трудно представить, что вся эта жаргонная и полужаргонная, подчеркнута-торжественная и вычурная лексика буржуазно-дворянского общества употреблялась всерьез. Молодежь мало ее знает и активно не употребляет, но привыкла видеть в фелетоне, в сатире, в ироническом стиле речи.

Вместе с тем многочисленные слова, связанные со старой общественностью, меняя значения или расширяя круг старых значений, приобретали новые функции в лексической системе языка. До сих пор употребляются ранее нейтральные слова *бюрократ* и *чиновник*, но в новом, неодобрительном значении, *казенный* («бездушно-формальный»), *богадельня* («место, где без особой затраты труда, бездельничая, можно извлекать личные выгоды»). Явления семантического и стилистического переосмысления слов тесно связаны с процессами обогащения словаря, которые должны явиться предметом специальных исследований.

Словарный состав современного русского языка, значительно развившийся в советскую эпоху, не отделен непроницаемой стеной от той лексики, которая была связана с обозначением явлений и понятий старого общества. Многие слова и выражения, став ненужными, исчезли из живого употребления; многие из них стали терминами, называющими явления прошлого; некоторые слова превратились в шуточные, иронические или архаические синонимы активно употребляющихся слов, ибо далеко не всегда с исчезновением явлений и предметов уходит и называвшее их слово. Многие разряды лексики, связанные со старым бытом, сохраняются и до сих пор для обозначения явлений капиталистического мира за рубежами нашей страны. Все эти языковые явления, намеченные в настоящей статье лишь в общих чертах по отношению к начальному периоду советской эпохи, свидетельствуют о том, что изменения в словарном составе русского языка привели не к созданию какого-то «нового языка революционной эпохи», а к постепенному совершенствованию словарного состава в целом для лучшего обслуживания социалистического общества. При этом словарный состав русского языка в советскую эпоху пополнился гораздо большим количеством слов, чем утратил в связи с их несоответствием новым социальным потребностям.